

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ЮЖНОГО КАВКАЗА
В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ЗАПАД–РОССИЯ:
МОТИВЫ, СУБЪЕКТЫ И ФАКТОРЫ (ЧАСТЬ 2.)**

Дунамалян Н. А.

Аннотация

В статье рассматривается специфика роли Южного Кавказа в системе международных отношений в свете прежнего (до 2020 г.) соотношения интересов России и Запада, а также их нынешнего противостояния. Автор представляет анализ включения новых геополитических акторов в контексте нарушения прежнего баланса сил в регионе Южного Кавказа, а также выделяет узловые проблемы в рамках связанности различных региональных конфликтов (в Украине и Армении).

**ՀԱՐԱՎԱՅԻՆ ԿՈՎԿԱՍԻ ԱՇԽԱՐՀԱՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ԴԻՐՔԱՎՈՐՈՒՄԸ
ԱՐԵՎՄՈՒՏԲ–ՌՈՒՍԱՍՏԱՆ ԱՌՃԱԿԱՏՄԱՆ ՀԱՄԱՏԵՔՍՈՒՄ.
ՇԱՐԺԱՌԻԹՆԵՐ, ՍՈՒԲՅԵԿՏՆԵՐ ԵՎ ԳՈՐԾՈՆՆԵՐ (ՄԱՍ 2.)**

Ն. Ա. Դունամալյան

Սեղմագիր

Հոդվածում ուսումնասիրվում է Հարավային Կովկասի տեղը միջազգային հարաբերությունների համակարգում նախկին (մինչև 2020թ.) ՌԴ–Արևմուտք շահերի հարաբերակցության և դրանց ներկայիս առճակատման լույսի ներքո: Հեղինակը վերլուծում է նոր աշխարհաքաղաքական դերակատարների ընդգրկումը Հարավային Կովկասի տարածաշրջանում ուժերի նախկին հավասարակշռության խախտման համատեքստում, ինչպես նաև ներկայացնում է տարբեր տարածաշրջանային հակամարտությունների միջև կապը (Ուկրաինայում և Հայաստանում):

**GEOPOLITICAL POSITIONING OF THE SOUTH CAUCASUS
IN THE CONTEXT OF THE WEST–RUSSIA CONFRONTATION:
MOTIVES, SUBJECTS AND FACTORS (Part 2.)**

Dunamalyan N. A.

Summary

The article examines the specifics of the role of the South Caucasus in the system of international relations in the light of the previous (until 2020) balance of interests between Russia and the West, as well as their current confrontation. The author presents an analysis of the new geopolitical actors' inclusion in the context of the disruption of the previous power balance in the South Caucasus region, and also highlights key problems of various regional conflicts connection (in Ukraine and Armenia).

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ЮЖНОГО КАВКАЗА В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ЗАПАД–РОССИЯ: МОТИВЫ, СУБЪЕКТЫ И ФАКТОРЫ² (Часть вторая)

Введение

Нарушение равновесия в международных отношениях может привести как формированию отдельных (изолированных) конфликтов, формирующихся под влиянием хаоса, так и быть частью более глобальной картины изменений. Во всяком случае изначально важность роли того или иного конфликта на будущую систему взаимодействий сложно оценить, поскольку фрагментарная картина не представляет всего замысла великих держав по разделу мира. Так, в середине 1930-х гг. невозможно было предсказать раздел Чехословакии, последствия войн в Китае и Эфиопии, а также гражданской войны в Испании. Единый рисунок этих событий начал складываться только в ходе конфликта, который в будущем назовут «Второй мировой войной», и результаты многих конфликтов, которые казались некоторым странам окончательными, в дальнейшем стали промежуточными решениями.

В этом контексте важно разделять симптомы и последствия распада современной глобальной системы. 44-дневная война в 2020 г. в Нагорном Карабахе стала важным симптомом распада прежних связей, формировавших хрупкий баланс сил в регионе Южного Кавказа и на постсоветском пространстве, в целом. Параллельно с этими процессами ухудшение отношений между Россией и Украиной продолжалось на протяжении двадцати лет и приводило к различным уровням обострения (начиная с «Оранжевой» революции и «газовых» войн, кончая реальными военными действиями). Иными словами, конфликт с Украиной был вписан в логику новых отношений на постсоветском пространстве после распада СССР. Исход Второй Арцахской войны привел к резкой смене акцентов в отношении ролей России, Турции и Ирана в регионе, расширению зоны конфликта от Сирии до Карабаха, а также ухудшению условий региональной безопасности. Система устоявшихся отношений на Южном Кавказе была нарушена, что привело к дальнейшей деградации ситуации.

¹ Кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Российско-Армянского (Славянского) университета.

² Статья представлена в редакцию 25.09.2023 г.

Ключевые факторы расстановки сил в регионе Южного Кавказа до 2022 г.

До 2020 г. отношения между региональными и внерегиональными акторами на Южном Кавказе проходили сквозь череду политических кризисов, которые можно было объяснить отсутствием возможности у какой-либо из держав ресурсов и воли радикально пересмотреть сложившийся порядок³. Глобальный кризис пандемии Covid-19 и политика изоляции великих держав стала основой для большей решимости региональных акторов (к примеру, Турции) в деле пересмотра сложившихся форматов отношений между государствами, что стало причиной усложнения кризисов, но не предпосылкой для полного разрушения прежних политических и экономических отношений. «Нарушитель» регионального порядка шел на риск, создавая новую кризисную повестку, однако успех такой политики зависел от планомерных шагов по дестабилизации ситуаций в других регионах. Турция стала ярким примером такого актора, который стремился формировать вокруг себя пространство «контролируемого хаоса», намереваясь включить в новый формат отношений другие государства, которые бы стали играть по «турецким» правилам в случае роста конфликтности. В этом смысле Турция становится «орудием хаоса», направленного на расшатывание регионального порядка, что мы можем наблюдать и на Южном Кавказе⁴.

Республики Южного Кавказа к 2020 г. находились в процессе пересмотра собственных внешне- и внутривнутриполитических приоритетов в контексте будущего развития: Грузия в ходе постоянных политических кризисов меняла курс от политики неолиберализма к прагматизму⁵; в Армении после «Бархатной революции» возник определенный скепсис по поводу целесообразности проводимых изменений; в Азербайджане постепенно назревал кризис легитимности, связанный с общественным запросом на «решение» политических и экономических проблем⁶. Пандемия стала одновременно ударом и окном возможностей для политических элит Закавказья, стремящихся преодолеть рутину политических кризисов и использовать легитимное право на централизацию власти. К тому же влияние фактора эпидемии коронавируса на усиление социальных и политических

³ Хуашэн Чж. (14.10.2020) Мировой порядок: фрагментация, сосуществование или соперничество?/Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/mirovoj-poryadok-fragmentacziya-sosushhestvovanie-ili-sopernichestvo/> (дата обращения: 22.09.2023).

⁴ Дунамалян Н. А. (12.01.2021) «Повторяющийся» миропорядок: трагедия или фарс? / РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/columns/riacdigest/povtoryayushchiysya-miroporjadok-tragediya-ili-fars/> (дата обращения: 22.09.2023).

⁵ Федоровская И. Политический кризис в Грузии. Россия и новые государства Евразии, 2021, № I (L), сс. 135-143. URL: <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2021-1-135-143> (дата обращения: 22.09.2023).

⁶ De Waal, Th. (05.11.2019) Is Change Afoot in Azerbaijan? Carnegie Europe. URL: <https://carnegieeurope.eu/strategieurope/80271> (дата обращения: 22.09.2023).

противоречий вылилось в долгосрочные последствия, радикально изменившие геополитическую картину региона.

В плане торгово-экономических связей ведущие державы выстраивали вполне конкретную политику в отношении Южного Кавказа как сырьевой базы или транзитной территории. Заключение в 1994 «контракта века» с участием крупных нефтяных компаний по поводу эксплуатации азербайджанских месторождений определило логику восприятия Азербайджана мировым сообществом на долгий период времени. На начало 2020 г. в разработке различных месторождений нефти и газа участвовали британские, итальянские, турецкие, российские, французские, японские, американские, индийские и другие компании. На данный момент месторождение Шах-Дениз разрабатывается концерном, включающим British Petroleum (Великобритания; 29,99%), Лукойл (РФ; 19,99%), ТРАО (Турция; 19,0%), ГНКАР (Азербайджан, 14,35%), NICO (Иран–Швейцария; 10,0%), SGC Upstream (6,67%); месторождение «Азери–Чираг–Гюнешли» – BP (Великобритания; 30,37%), ГНКАР (Азербайджан; 25%), MOL (Венгрия; 9,57%) Inpex (Япония; 9,31%), Equinor (Норвегия; 7,27%), ExxonMobil (США; 6,79%), ТРАО (Турция; 5,73%), Itochu (Япония; 3,65%), ONGC Videsh Limited (Индия; 2,31%). Во многих других проектах за долгое время сложилась похожая картина (в 2023 г. французской Total было приобретено 35% акций Апшеронского месторождения). Также важное геополитическое значение имеет Трансадриатический газопровод, введенный в эксплуатацию в ноябре 2020 г. и ставший основным узлом перекачки нефти и газа в ЕС в обход России после начала войны в Украине. К этому можно добавить многочисленные проекты постройки железнодорожной и сухопутной инфраструктуры в регионе в рамках проектов «Север–Юг», «Один пояс–один путь», о чем мы писали в первой части⁷ данного исследования.

Товарооборот Армении и Грузии, основанный на продаже руды, золота, алкоголя и товаров реэкспорта, несравним с нефтегазовым экспортом Азербайджана, хотя объем товарооборота Армении в 2022 г. с РФ превышал показатели Азербайджана, а в случае США и Китая был почти сопоставим (Таб. 1), как, впрочем, и у Грузии. Но в то же время нефтегазовый сектор Азербайджана стал важнейшим фактором внешней торговли и политики Азербайджана, что можно заметить на примере возросшего экспорта углеводородов в ЕС после начала войны в Украине. Кроме того как для Грузии, так и Азербайджана важнейшими торговыми партнерами, учитывая общий объем товарооборота, оставались Турция и Россия.

Таким образом, торгово-экономические связи показывают большое количество нюансов, которые могут игнорироваться в публичном дискурсе и,

⁷ См. <https://arvak.am/ru/геополитическое-позиционирование-юж/>

тем самым, предлагать искаженную и однозначную трактовку событий. Значительная роль Азербайджана в региональной нефтегазовой инфраструктуре

Таблица 1. Товарооборот южнокавказских республик с РФ, США, ЕС и Китаем

	РФ				США				ЕС				КНР			
	2019	2020	2021	2022	2019	2020	2021	2022	2019	2020	2021	2022	2019	2020	2021	2022
Армения	2 225,4	2 157,7	2 626,1	4 248,2	334,2	152,6	207,4	461,8	1 656,3	1 285,9	1 587,6	2 282,6	945,1	964,0	1 260,8	1 753,2
Грузия	1 474,1	1 329,1	1 633,2	2 478,1	811,1	636,4	842,9	1 277,6	3 108,8	2 543,6	3 024,9	3 922,9	1 066,2	1 186,2	1 480,7	1 863,1
Азербайджан*	3 022,1	2 671,5	2 995,3	3 710,2	791,9	661,1	517,1	570,2	12 224,8	8 880,5	15 201,3	27 344,5	2 184,3	1 846,8	1 780,7	2 159,1

**Для сравнения с общим объемом товарооборота совокупный ненефтяной экспорт Азербайджана в разные годы представлял следующую картину: в 2020 г. – 1 748,8, в 2021 г. – 2 570.1 и в 2022 г. – 2 841.5 млн. долл.*

Источник: <https://statbank.armstat.am/>, <https://www.geostat.ge/en/modules/categories>, https://www.azstat.org/portal/tblInfo/TblInfoList.do#994_017

создала возможности для азербайджанского руководства лавировать между Россией и Западом, а также способствовать усилению влияния Турции в регионе в качестве «гаранта безопасности». Со временем Турция начала позиционироваться как нефтегазовый и транзитный хаб⁸.

В 2015–2020 гг. в сирийском регионе сложился комплекс отношений между Турцией, Ираном и Россией, в рамках которого каждый актер был заинтересован в повышении своего статуса региональной державы, что происходило на фоне изоляционизма США при администрации Трампа и ужесточения правил геополитической игры. На Южном Кавказе первая попытка «переноса» ближневосточных реалий произошла в 2016 г. вместе с обострением ситуации в Арцахе во время «Апрельской войны». В этот период некоторые российские эксперты отмечали, что Турция пытается активно включиться в Карабахский конфликт, поддерживая Азербайджан, а Россия старается сохранить баланс в регионе, не превращая его в поле противостояния «двух коалиций» (Россия–Армения и Турция–Грузия–Азербайджан)⁹. Дальнейшие события продемонстрировали расширение

⁸ ««Газпром» представил Турции собственную концепцию газового хаба» (09.06.2023) / Forbes Russia. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/490707-gazprom-predstavil-turcii-sobstvennuu-koncepciu-gazovogo-haba> (дата обращения: 22.09.2023).

⁹ Силаев Н. Ю. (07.06.2016) Россия против турецкого сценария "двух коалиций" на Кавказе. / Внешняя политика. URL: <http://foreignpolicy.ru/analyses/rossiya-protiv-turtskogo-stsenariy-dvuh>

«геополитических границ» Ближнего Востока за счет распадающегося постсоветского пространства, поскольку российская политика сохранения статус-кво на пространстве бывшего СССР при росте конфронтации с Западом стала невозможной из-за разрушения сложившейся после 1991 г. структуры международных отношений. Если до определенного времени Запад признавал исключительную роль РФ в вопросе взаимодействия с бывшими союзными республиками и был настроен на сотрудничество, то стремление российского руководства проводить более самостоятельный политический курс были восприняты как попытка пересмотра основ современного миропорядка. Россию также раздражало намерение США включить в систему коллективной безопасности НАТО другие регионы, не считаясь с национальными интересами РФ. Эти противоречия, на первый взгляд, вылились в рост конфронтации на Украине и других регионах, а логика противостояния «Россия–Запад» начала распространяться на любой конфликт в мире, заглушая реально неоднозначную картину современных международных процессов. Согласно данной трактовке интересы других влиятельных держав якобы подчинялись логике конфронтации России и Запада или же игнорировались как неключевой фактор.

Позиции геополитических акторов на Южном Кавказе до и после 2020 г.

Распаду старой системы взаимоотношений Запада и России на Южном Кавказе сопутствовало несколько тенденций:

1. увеличение роли других региональных держав в традиционно российской сфере влияния,
2. фактическое упразднение прежних форматов взаимодействия между РФ и западными странами по примеру Минской группы ОБСЕ,
3. согласие РФ на создание новых площадок сотрудничества с участием региональных держав (как пример, формат «3+3»).

Вторая Арцахская война 2020 г. стала выражением этих тенденций и индикатором слома выходящего за рамки Южного Кавказа «постсоветского» статус-кво¹⁰, демонстрируя беспрецедентную активизацию военных и дипломатических усилий Турции в постсоветском регионе. Проникновение Турции на Южный Кавказ было ознаменовано «принятием» Россией правил «ближневосточного» порядка, когда понятия «союзник» и «соперник» не всегда отличаются четкостью в процессе геополитического взаимодействия (такая же концепция присуща идее «бесполярного

[koalitsiy-na-kavkaze/](#) (дата обращения: 22.09.2023).

¹⁰ Лукьянов Ф. А. (21.10.2022) «Не все постсоветские страны докажут государственную состоятельность»/ Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/sssrgossostoyatelnost/> (дата обращения: 22.09.2023).

миропорядка» Р. Хааса¹¹). Кроме того, позиции всех акторов на Южном Кавказе до и после 2020 г. претерпели кардинальные изменения.

Становление концепции стратегического видения Южного Кавказа со стороны США и Запада, в целом, основывалось на нескольких важных предпосылках:

1. влияния Запада на Южном Кавказе необходимо связывать с признанием исключительной роли РФ в регионе с точки зрения сохранения геополитической стабильности;

2. отношения с одним южнокавказским государством не могут строиться за счет ухудшения с другим, поскольку такая позиция соответствует идее поддержки развития государственных и демократических институтов;

3. в этом контексте Турция воспринималась как часть коллективного Запада, представляющая сложную, но все-таки лояльную позицию по вопросам отношений со странами Южного Кавказа, в то время как Иран представлялся «государством-изгоем», влияние которого необходимо нейтрализовать.

Таким образом, пространство Южного Кавказа интересовало Запад с точки зрения двух аспектов: сдерживание потенциала «расширения» этнических конфликтов и создание транспортной инфраструктуры для обеспечения энергетической безопасности Европы¹², а его взаимодействие с региональными странами строилось по схеме «заинтересованного партнерства» с Россией, «лояльного взаимодействия» с Турцией и «враждебного сдерживания» с Ираном. Будучи популярными в 1990-е годы, эти форматы взаимодействия отражались в практической политике в южнокавказских республиках, и провал многих инициатив становился основой для дестабилизации региональной ситуации (как пример, попытки евроинтеграции Армении и Азербайджана, отказ от проекта «Набукко», августовская война 2008 г. и т.д.).

Однако в будущем трансформация предпосылок американской политики в регионе привела к растущему соперничеству с РФ, приоретизации отношений с Грузией и Азербайджаном, а также повышению роли геополитических «посредников» в лице Турции, Израиля, Великобритании и других стран. Несмотря на эти изменения, за период 2000-х гг. весь Южный Кавказ не воспринимался в качестве пространства конфронтации между Россией и Западом, а разделялся на отдельные сюжеты в диапазоне взаимодействия «конфликт-сотрудничество» (как пример, российско-грузинский конфликт и

¹¹ Haas R. The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance //Foreign Affairs, p.14, 2008.

¹² Cohen, A. (24.06.1997) U.S. Policy in the Caucasus and Central Asia: Building A New "Silk Road" to Economic Prosperity. URL: <https://www.heritage.org/europe/report/us-policy-the-caucasus-and-central-asia-building-newsilk-road-economic-prosperity#> (дата обращения: 22.09.2023).

попытка урегулирования Карабахского конфликта). Вскоре после завершения активных боевых действий в Нагорном Карабахе в 2020 г. консенсус между РФ и Западом по поводу регионального порядка начал меняться, хотя пресловутых «противоборствующих коалиций» на Южном Кавказе не возникло. Разговоры о желании Турции стать сопредседателем Минской группы ОБСЕ¹³ после 2015 г. показывало стремление турецких элит напрямую вовлечься в южнокавказские процессы, чего не произошло, однако продемонстрировало намерение азербайджано-турецкого тандема разрушить структуру, пользуясь ростом конфронтации между Россией и Западом. Фактический распад Минской группы как очередной площадки сотрудничества РФ с западными сопредседателями стало следствием укрепления логики «многополярного взаимодействия» и распада прежней системы отношений на постсоветском пространстве.

Вместе с тем, в новых условиях устаревший инструментарий гуманитарной политики США и ЕС стал не востребовавшимся, так как кризис глобальной солидарности во время пандемии и «успешность» применения силового метода со стороны Азербайджана после 2020 г. окончательно изменили подходы к решению международных проблем. США, Великобритания и ЕС сохранили свои позиции на Южном Кавказе благодаря экономическому присутствию и инвестициям, хотя уже после 2018 г. происходил процесс пересмотра приоритетов в регионе с точки зрения выхода некоторых западных компаний из нефтегазовых сделок¹⁴. После начала боевых действий на Украине роль Турции и Азербайджана для ЕС и России повысилась в контексте транзитного и энергетического потенциала этих стран. Значимость Южного Кавказа и Центральной Азии в рамках построения нового миропорядка также ощутимо возросла.

Проблемы взаимодействия региональных держав: «болезненное» восприятие реальности и его жертвы

Еще одним бенефициаром от изменений регионального порядка на Ближнем Востоке можно назвать Иран, который в последние годы активно «выстраивал» свое влияние в Ливане, Сирии, Ираке, Йемене и других странах Ближнего Востока, однако регион Южного Кавказа, несмотря на мирные инициативы иранского руководства в рамках Первой Арцахской войны, так и

¹³ «Алиев утверждает, что Турция должна быть в числе сопредседателей Минской группы ОБСЕ» (12.10.2020)/ Azatutyun.am. URL: <https://rus.azatutyun.am/a/30889054.html> (дата обращения: 22.09.2023).

¹⁴ «Массовый исход: почему западные компании уходят из нефтегазовых проектов Азербайджана» (24.08.2023)/ Sputnik Азербайджан. URL: <https://az.sputniknews.ru/20230824/massovyy-iskhod-pochemu-zapadnye-kompanii-ukhodyat-iz-neftegazovykh-proektov-azerbaydzhana-457955961.html>; «Reuters: американские нефтяные компании уходят из Азербайджана» (05.12.2018)/NC. URL: <https://newcaucasus.com/news/17203-reuters-amerikanskie-neftyanye-kompanii-uhodyat-iz-azerbaydzhana.html> (дата обращения: 22.09.2023).

не стал приоритетным направлением для внешней политики этого государства. Во многом отношения Ирана на Южном Кавказе ограничивались взаимодействием с Арменией и Азербайджаном, а регион воспринимался, прежде всего, с точки зрения обеспечения безопасности северных границ Исламской республики и Каспийского региона¹⁵. Вместе с тем, геополитическое значение конфликта Ирана с западными государствами и Израилем предопределило диспозиции региональных игроков и идеологизированное противостояние между этими акторами. Помощь со стороны Израиля Азербайджану объяснялось именно этим аспектом, включая в этот же контекст армяно-иранское взаимодействие как формат «союзнчества». Примечательно, что похожий нарратив использовался и в случае британского подхода, направленного на «...создание в регионе нового баланса сил, который ограничил бы возможности России»¹⁶, где Армения воспринималась уже как однозначный союзник России. Таким образом, в израильской и британской парадигме логика «коалиций» представляется свершенным фактом в контексте виртуального противостояния «прозападных» сил Азербайджана и Грузии против армяно-российско-иранского «союза». После 2022 г. данный иллюзорный подход поддерживается разными спекулятивными публикациями о формировании геополитической оси «Москва–Ереван–Тегеран» против Украины, подкрепляя это допущение аргументом, о том, что Армения в ООН не поддержала антииранскую резолюцию¹⁷.

В реальности Иран после Второй Карабахской войны пытался влиять на построение стратегического баланса на Южном Кавказе, однако основными задачами такой политики оставались проблема безопасности у северных границ Ирана, недопущение прямого вмешательства западных государств в карабахский конфликт (к примеру, в рамках миротворческой миссии), сохранение инфраструктурных связей через Южный Кавказ с Россией. Позиция Ирана имела четкое территориальное определение – Сюникская область. Этому свидетельствует открытие в октябре 2022 г. генконсульства ИРИ в Капане, а также многочисленные заявления, сдерживавшие агрессивные намерения азербайджанского руководства пойти на эскалацию в Сюнике.

¹⁵ Военно-политическое присутствие Ирана на Южном Кавказе [Электронный ресурс]: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. – 15 с.

¹⁶ Результаты опроса зарубежных аналитиков «Армяно-азербайджанские поствоенные процессы в повестках внешних акторов Южного Кавказа – 2023». URL: <https://www.regioncenter.info/ru/researches/2137> (дата обращения: 22.09.2023).

¹⁷ “Iran-Armenia-Russia: The axis against Ukraine revealed” (02.04.2023) URL: <https://www.eureporter.co/world/armenia/2023/04/02/iran-armenia-russia-the-axis-against-ukraine-revealed/> (дата обращения: 22.09.2023).

Эти шаги не означали однозначной «поддержки» Армении в стратегическом плане, поскольку главной задачей Ирана было сохранение транспортной артерии, соединяющей Иран с Россией посредством территорий «нейтральных» государств, а не защита армянского государства. К тому же попытки налаживания отношений с Азербайджаном требовали более гибкой позиции по карабахскому вопросу, поэтому иранская формула региональной безопасности на Южном Кавказе до сих пор заключается в «нерушимости формальных границ».

В то же время российская позиция по Южному Кавказу, начиная с поздних 1990-х, оформилась в контексте крайней прагматики в рамках сохранения баланса отношений с Азербайджаном и Арменией, а также ограниченного диалога с Грузией. К 2020 г. российским руководством совмещались две широкие метастратегии, обозначающие, с одной стороны, построение российской внешней политики на основе экономических (прагматических) интересов с тенденцией к изоляционизму, а с другой – идеологизации геополитического вектора в рамках возрождения великодержавности¹⁸ и «укрепления братских связей между русским, белорусским и украинским народами»¹⁹. Однако оба этих направления углубили уязвимость РФ перед геополитическими вызовами, сформировав два ответа в виде «Армянского» и «Украинского» кризисов. Мы называем первый сюжет «Армянским кризисом», так как проблема выходит за рамки карабахского или армяно-азербайджанского конфликта, армяно-российских противоречий или внутривосточного коллапса в Армении, демонстрируя системный кризис армяно-российских отношений в их социокультурном, геополитическом и мировоззренческом измерении на фоне участия других акторов.

Главной проблемой российской внешней политики является привязка к старым «паттернам», основанным на убеждении в существовании крайне устойчивых параметров взаимодействия с государствами постсоветского пространства. Данная тенденция просматривается не только во внешней политике РФ, но и в гуманитарной повестке, восприятии сопредельных государств и т.д. «Украинская проблема» в этом контексте развивалась вполне предсказуемо в канве нескольких сюжетов: «возвращение Крыма», «права русскоязычного населения», «украинский национализм»²⁰. Высокий уровень аналитической разработанности темы и большое количество публикаций

¹⁸ «Великодержавные настроения в России достигли исторического максимума» (21.12.2017) /Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/12/21/746009-velikoderzhavnie-nastroeniya%20> (дата обращения: 22.09.2023)

¹⁹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»/Kremlin. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/5> (дата обращения: 22.09.2023)

²⁰ Котельников В.С. Российско-украинские отношения: констелляция геополитических и национальных интересов //Россия и ее соседи: «Слав. треугольник» в СНГ: Сб. ст. и обзоров. М., 2002. С. 145–173.

начала 2000-х гг., отмечающих вероятность разрастания российско-украинского противостояния вплоть до боевых действий, показывают большую долю «инертности» политических решений российских властей, которые фактически привели к «закрытию» западных границ России и Беларуси и переориентации экспортного потенциала РФ на маршрут «Север-Юг».

Южный Кавказ или Закавказье в этом смысле воспринимается как единый комплекс, где важно сохранение влияния России на баланс сил в регионе. Из этого следует попытка содействия побеждающей стороне конфликта с целью контроля над ситуацией, что не мешает осуществлять роли посредника. Роль «победителя» могут играть различные государства, однако заинтересованный арбитр может конвертировать свое влияние в функцию посредничества. До недавнего времени РФ казалось, что она обладает «контрольным пакетом» ресурсов воздействия на все страны Южного Кавказа, однако проникновение новых акторов в регион (Турция, Иран, Израиль, ЕС и др.) исказило изначальную конфигурацию российской «закавказской» политики.

Другим индикатором приверженности России к «старой» стратегии стало размещение российского миротворческого контингента в зоне карабахского конфликта. Вопрос отправки российских миротворцев в Нагорный Карабах обсуждался, начиная с ранних 1990-х гг., однако президент Азербайджана Г. Алиев крайне негативно высказывался против такой миссии²¹, поэтому ввод РМК в зону карабахского конфликта в 2020 г. был воспринят российским общественным мнением как однозначный успех. Позиция России заключалась в установлении контроля над Нагорным Карабахом на длительную перспективу с учетом интересов Азербайджана (и Турции, если говорить о совместном российско-турецком мониторинговом центре), поэтому подписанная 22 февраля 2022 г. Декларация о союзном взаимодействии России и Азербайджана воспринималась российскими властями как завершение «горячей» фазы карабахского противостояния и преддверие начала СВО на Украине.

Однако этот успех был тактическим и представлял собой реликт постсоветской политики. Параллельно с этим в регион проникли новые игроки, а Азербайджан, на который Россия пыталась оказать значительное влияние посредством экономических и политических интересов, заручился поддержкой нескольких влиятельных региональных держав – Турции и Израиля, в частности. К тому же в самой России продолжало действовать влиятельное проазербайджанское лобби, которое тесно связало бизнес-интересы российских и азербайджанских элит. Влияние Баку производилось

²¹ «Архивы Клинтона: встреча Пресел-Николаев - поддержание мира vs миротворчество» (05.06.2020)/ Mediamax. URL: <https://mediamax.am/ru/news/special-file/38038/> (дата обращения: 22.09.2023)

посредством контактов с бизнесменами азербайджанского происхождения (как пример, директор «Лукойл» В. Алекперов, крупный предприниматель Г. Нисанов и др.), некоторых российских политиков, экспертов и СМИ. В отличие от этой ситуации лояльные российской власти армянские диаспоральные сообщества находятся в некотором парализованном состоянии по причине разрыва связей как с российской политической элитой, так и с армянской.

Фактор российского присутствия в Нагорном Карабахе в дальнейшем был использован азербайджанской стороной как предмет торга с российским руководством, которое было заинтересовано в сохранении миротворческого «мандата» на этой территории. С другой стороны, реалии войны в Украине повысили роль Азербайджана и Турции для России как транзитного транспортного узла, предоставляющего возможность перенаправления углеводородов в Европу и потенциальную железнодорожную связь с регионами Ближнего Востока и Южной Азии.

Изменения среды безопасности на постсоветском пространстве: Украина как отражение Южного Кавказа?

Связанность конфликтов на постсоветском пространстве до 2014 г. состояла в общности проблем, стоящих перед различными странами. Такие проблемы могли касаться «восстановления территориальной целостности», «антиимперской» политики или общих геополитических ориентиров (европейская или евразийская интеграция)²². Выстраивание отношений Украины с другими постсоветскими республиками подчинялось логике противостояния «российскому влиянию», поэтому неслучайно формирование таких форматов как ГУАМ. Двусторонние контакты, площадки «европейского» или «черноморского» добрососедства оставались главными платформами взаимодействия украинских политических кругов, прежде всего, с государствами Южного Кавказа. Единственным «пророссийским» проектом, где Украина принимало ограниченное участие было СНГ (Украина была учредителем организации, но не ратифицировала ее Устав). После потери Крыма позиции Украины еще больше сблизилась в контексте дискурса «восстановления территориальной целостности». Однако эта проблема не стала локальным явлением, перейдя в разряд международных кризисов и став важным поводом для давления на Россию. Пространство конфликта не ограничилось Крымом и Донбассом, но начало сообщаться с конфликтами в Сирии и Нагорном Карабахе, то есть на постсоветском пространстве возник единый конфликтный «макрорегион». В этом контексте главной проблемой

²² Маркедонов С. М. (26.08.2008) Украина на Кавказе: идеология выше прагматизма. /Caucasian times. URL: <https://caucasustimes.com/ru/ukraina-na-kavkaze-ideologija-vyshe-pra/> (дата обращения: 22.09.2023).

стало игнорирование политическими элитами наличия такой связи со всеми вытекающими из этого последствиями.

Важную роль в этом процессе сыграла Турция, внешнеполитическая доктрина которой была завязана на утверждении национальных интересов в регионах «геополитического неравновесия». Стоит упомянуть, что с многими акторами в проблемных регионах у Турции был заключен двухсторонний или многосторонний договор об обеспечении безопасности: Договор о гарантиях безопасности Кипра 1960 г., Аданское соглашение 1998 г. с Сирией, азербайджано-турецкий договор 2010 г. в сфере безопасности и Шуминская декларация. Данная договорная база, а также членство Турции в НАТО, давали турецкому руководству возможность вмешиваться во внутренние дела сопредельных государств и создавали единую систему взаимодействия с т. н. «постосманским» пространством.

Параллельно с этим Россия проходила через очередную фазу переосмысления себя как великой державы. При этом европейский элемент геополитической самоидентификации, который господствовал до середины 2010-х начал сменяться восприятием себя как государства-цивилизации, включавшего широкий принцип политико-культурной самоидентификации (русский язык, культура, «восточнославянское» единство и т.д.). К тому же прагматическая составляющая внешней политики перемещалась на первый план в связи с необходимостью использования нефтегазового фактора и интересов крупных нефтедобывающих компаний (Газпром, Роснефть и т.д.). Таким образом, можно говорить о деидеологизации российской политики на постсоветском пространстве или придания ей «избирательного» характера.

Начало российской СВО на Украине ознаменовало новый этап распада постсоветского пространства, однако процесс начался еще в 2020 г., когда Россия впервые добровольно допустила вмешательство других региональных держав в свою традиционную сферу влияния. Предлагаемая Р. Эрдоганом экстраполяция «сирийского сценария» на Южный Кавказ фактически свершилась. Если ввод РМК в зону карабахского конфликта воспринимался в 2020 г. как тактический успех (при возможном стратегическом поражении), то защита российских интересов на Украине уже представляла собой цепочку тактических поражений (начало войны в 2022 г., отступление российских войск в марте 2022 г., успешное наступление украинских войск на харьковском направлении и т.д.), способствующих «заморозке» конфликта на долгие годы.

Процессы на Южном Кавказе в этом контекст были оттенены войной в Украине, а сложное положение российских войск в 2022–2023 гг. заставляло российское руководство идти на уступки на других направлениях. Недоговороспособность России, ЕС и НАТО привело к использованию контактов с Турцией, которая была готова на оказание услуг в вопросе «зерновой» сделки и транзита российских углеводородов в Европу под

«турецким» брендом. Иными словами, российское руководство собственноручно ограничило пространство для геополитического маневра, делая уступки на южнокавказском направлении, в частности в вопросе армяно-азербайджанского конфликта, взамен на неочевидные преимущества в военных действиях против Украины и их последствий (обход санкций, торговля удобрениями, газом, нефтью и зерном).

Фактология происходящего показывает четкую связь между действиями на украинском и «армянском» фронтах: отступление российских войск из-под Харькова и сентябрьская эскалация на армяно-азербайджанской границе, в т. ч. в районе Джермука, удары украинцев по штабу Черноморского военно-морского флота и операция азербайджанских войск против Республики Арцах в сентябре 2023 г. Внутренняя логика данных событий может быть разной, но общий контекст заключается в потере политических и статусных позиций России на Южном Кавказе и отсутствие явного перелома на украинском направлении.

Место Южного Кавказа на геοэкономической оси Европа–Центральная Азия в текущих условиях: коридор или тупик?

В 2023 г. конфигурация отношений между государствами Южного Кавказа выглядит следующим образом. Турция и Азербайджан значительно укрепили свои позиции в рамках политического и экономического влияния на пересечении геοэкономических маршрутов «Запад–Восток» и «Север–Юг». В военно-политическом плане стратегическое влияние НАТО в регионе также укрепилось посредством оказания поддержки Азербайджана со стороны членов НАТО Турции и Великобритании, а также основного союзника США вне НАТО Израиля. Необходимо отметить, что данные игроки выступают с собственными планами в вопросе влияния на региональную безопасность, однако связь с единым военно-политическим союзом дает ряд значительных преимуществ. Азербайджан также нужно рассматривать как самостоятельного актора в данной игре, хотя помощь Турции и Израиля предельно ограничили схемы поведения азербайджанских элит. Несмотря на это, «широта» географии взаимодействия Азербайджана с другими крупными державами (Турция, Израиль, Великобритания, Россия, Иран, ЕС и т.д.) создает дополнительные гарантии противодействия возможному давлению в случае невыполнения азербайджанскими властями своих обязанностей перед тем или иным зарубежным партнером. Такое поведение может быть рискованным для азербайджанского руководства (вплоть до смены власти), однако на фоне других южнокавказских республик видится более выгодным.

Грузия в этом смысле наоборот слишком уязвима перед внешним давлением и проведение сбалансированной политики может столкнуться с

идеологизированным восприятием внешней политики со стороны грузинского общества. Именно этим спровоцированы постоянные кризисы внутри Грузии, что демонстрирует противоречия между реалистическими и либеральными подходами политических элит. Неприсоединение Грузии к антироссийским санкциям показывает выход из матрицы российско-грузинских отношений последних лет, но данная ситуация может резко измениться в случае ослабления российских позиций.

Ключевым звеном в вопросе кардинальных изменений места Южного Кавказа в геополитике остается лишившаяся многих преимуществ Армения. Несмотря на свершившийся факт полной оккупации Арцаха со стороны Азербайджана, территория Республики Армения остается важным ресурсом в контексте формирования геоэкономической оси «Запад–Восток». Однако позиции армянского государства предельно уязвимы, так как республика, обладающая ограниченной субъектностью, не в состоянии обеспечить свою безопасность самостоятельно, а политика «взаимодополняемости» (комплементаризма) на данный момент превратилась в политику «взаимоисключения», то есть перехода конфронтации между Западом и Россией в фактор, ограничивающий обороноспособность Армении. В то же время армянская элита не понимает взаимосвязи между сферой безопасности и внешнеполитической ориентацией, и остается приверженной уже неактуальной либеральной трактовке международных отношений. Кроме того, в стратегическом плане поражение Армении воспринимается западными аналитиками и практиками как ослабление влияния российского и иранского факторов в регионе²³, так как это государство рассматривается в качестве «союзника» России и Ирана, хотя отношения между этими странами не так однозначны.

Налицо деградация региональной системы безопасности, которая строилась годами и была разрушена за три года. При всех минусах старой системы, баланс сил предоставлял возможность более равномерного развития региона и предлагал Западу и России механизмы сохранения хрупкой стабильности. Сегодня ситуация деградировала до первоначального уровня возникновения регионального этнополитического хаоса при отсутствии решения какой-либо проблемы. С другой стороны, окончательная «нейтрализация» Армении дает шанс на интеграцию региона на основе западно-турецких правил. В этом контексте проекты «Запад–Восток» и «Один пояс – один путь», невзирая на разницу происхождения этих геополитических проектов, обойдя территорию России, в будущем поставят РФ и ЕС в зависимость от азиатских транспортных путей.

²³ “Battle for the FSU: Wooing Armenia” (27.08.2004)/ Stratfor. URL: <https://worldview.stratfor.com/article/battle-fsu-wooning-armenia> (дата обращения: 22.09.2023).

Россия же, поддерживая заложенную Западом в контексте распада СССР логику геополитических процессов на Южном Кавказе и в Центральной Азии, самостоятельно откажется от роли медиатора, передав эту функцию Турции. Следовательно, Россия будет играть по чужим правилам, отказываясь от системы региональных балансов, сформированных до 2020 года.

Последствия «армянского кризиса» имеют глобальное значение, поскольку уступки армянского руководства в широком контексте международных отношений воспринимаются как разрушение структуры региональной безопасности, архитектором которой была Россия. Оккупация Азербайджаном оставшейся части Республики Арцах не ведет к миру, а формирует основу для более активного продвижения вопроса открытия коммуникаций через Сюникскую область Армении (т. н. «Зангезурский коридор»). Вместе с тем, изначальная логика «освобождения» регионов Южного Кавказа и Центральной Азии от влияния России заключалась в постройке газопровода по дну Каспийского моря из Туркменистана в Азербайджан (проект INOGATE). Сегодня есть все условия для этого, и первым шагом к стало подписание Конвенции о статусе Каспийского моря в 2018 г., что формально сняло проблему прокладки газопровода по дну Каспия из Туркменистана в Азербайджан. Дальнейшая пассивность РФ может способствовать осуществлению и этого давнего плана по диверсификации энергетического рынка ЕС.

В геополитическом плане разрушение стратегического баланса на Южном Кавказе угрожает вылиться в большую войну с целью окончательного решения «иранского вопроса», что способствует сближению линии соприкосновения новых геополитических полюсов в Евразии: «западного» и «китайского». Новый виток противостояния поставит перед Россией выбор стороны конфликта, однако восстановить прежний статус РФ не сможет.

Заключение

Позиционирование стран Южного Кавказа в контексте противостояния Запада с РФ проходит через болезненный процесс трансформации структуры региональной безопасности. Вряд ли это может привести к формированию конкурирующих коалиций в регионе, так как по многим вопросам у Запада и России существует консенсус, который, впрочем, направлен на реализацию различных планов. В конечном счете изменения коснутся всего региона, и его место в современной геополитике возрастет. Однако цена за участие в новых форматах взаимоотношений для каждой республики Южного Кавказа будет своей. Вместе с тем мы видим, что великие и региональные державы находятся в точке переосмысления своей роли в контексте становления нового миропорядка. Трагедия современных процессов состоит в том, что несомоопределившиеся, с точки зрения геополитической идентичности,

великие державы пытаются решить судьбу давно самоопределившихся сообществ, в частности, народа Арцаха.

Угрозы

Текущие условия существования армянского государства можно характеризовать как катастрофические с точки зрения трансформации политической идентичности общества и роста вызовов, связанных с постоянным риском возобновления вооруженного конфликта с Азербайджаном. После оккупации территории Республики Арцах возникает реальная угроза нападения на Сюник с целью соединения «материкового» Азербайджана с Нахичеванью. Если этот сценарий касается продолжения армяно-азербайджанского конфликта, то усиление позиций Турции или Израиля может спровоцировать большой региональный конфликт с Ираном, и территория Армении может стать одним из театров военных действий.

Отдельным вопросом остается социально-экономическое влияние сентябрьской войны 2023 г. в Нагорном Карабахе, а также проблема размещения нескольких десятков тысяч беженцев. С другой стороны, риски во внешней политике будут сопровождаться постоянной нестабильностью во внутренних делах. К тому же, продолжительные кризисы могут углубить зависимость Армении от внешних факторов в сфере безопасности и экономического развития.

Возможности

Перспективы армянской внешней и внутренней политики во многом зависят от фактора международной и региональной конъюнктуры: окончательного выбора внешнеполитического вектора, участия в интеграционных проектах и развитии транзитного потенциала Армении. Также ключевым обстоятельством является политика правительства, которое сможет пересмотреть приоритеты развития армянского государства. Однако это переосмысление не может быть основано на радикальной «демифологизации» общественного дискурса, так как будут потеряны многие ориентиры, формирующие современную государственную идентичность. После оккупации Арцаха важно сохранить многие аспекты символики карабахской борьбы как основы независимой государственности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. «Reuters: американские нефтяные компании уходят из Азербайджана» (05.12.2018)/ NC. URL: <https://newcaucasus.com/news/17203-reuters-amerikanskie-neftyanyie-kompanii-uhodyat-iz-azerbaydzhana.html> (дата обращения: 22.09.2023).

2. «Алиев утверждает, что Турция должна быть в числе сопредседателей Минской группы ОБСЕ» (12.10.2020)/ Azatutyun.am. URL: <https://rus.azatutyun.am/a/30889054.html> (дата обращения: 22.09.2023).
3. «Архивы Клинтона: встреча Пресел-Николаев - поддержание мира vs миротворчество» (05.06.2020)/ Mediamax. URL: <https://mediamax.am/ru/news/special-file/38038/> (дата обращения: 22.09.2023).
4. «Великодержавные настроения в России достигли исторического максимума» (21.12.2017)/ Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/12/21/746009-velikoderzhavnie-nastroeniya%20> (дата обращения: 22.09.2023).
5. ««Газпром» представил Турции собственную концепцию газового хаба» (09.06.2023) / Forbes Russia. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/490707-gazprom-predstavil-turcii-sobstvennuu-koncepciu-gazovogo-haba> (дата обращения: 22.09.2023).
6. «Массовый исход: почему западные компании уходят из нефтегазовых проектов Азербайджана» (24.08.2023)/ Sputnik Азербайджан. URL: <https://az.sputniknews.ru/20230824/massovyy-iskhod-pochemu-zapadnye-kompanii-ukhodyat-iz-neftegazovykh-proektov-azerbaydzhana-457955961.html>
7. Военно-политическое присутствие Ирана на Южном Кавказе [Электронный ресурс]: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. – 15 с.
8. Дунамалян Н. А. (12.01.2021) «Повторяющийся» миропорядок: трагедия или фарс?/РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/riacdigest/povtoryayushchiysya-miroporjadok-tragediya-ili-fars/> (дата обращения: 22.09.2023).
9. Котельников В. С. Российско-украинские отношения: констелляция геополитических и национальных интересов //Россия и ее соседи: «Слав. треугольник» в СНГ: Сб. ст. и обзоров. – М., 2002. – сс. 145–173.
10. Лукьянов Ф. А. (21.10.2022) «Не все постсоветские страны докажут государственную состоятельность»/Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/sssr-gossostoyatelnost/> (дата обращения: 22.09.2023).
11. Маркедонов С. М. (26.08.2008) Украина на Кавказе: идеология выше прагматизма. /Caucasian times. URL: <https://caucasustimes.com/ru/ukraina-na-kavkaze-ideologija-vyshe-pra/> (дата обращения: 22.09.2023).
12. Результаты опроса зарубежных аналитиков «Армяно-азербайджанские поствоенные процессы в повестках внешних акторов Южного Кавказа – 2023». URL: <https://www.regioncenter.info/ru/researches/2137> (дата обращения: 22.09.2023).
13. Силаев Н. Ю. (07.06.2016) Россия против турецкого сценария "двух коалиций" на Кавказе./Внешняя политика. URL: <http://foreignpolicy.ru/analyses/rossiya-protiv-turtskogo-stsenariy-dvuh-koalitsiy-na-kavkaze/> (дата обращения: 22.09.2023).
14. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»/ Kremlin. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/5> (дата обращения: 22.09.2023)
15. Федоровская И. Политический кризис в Грузии. Россия и новые государства Евразии, 2021, № I (L) , сс. 135–143. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2021-1-135-143>.
16. Хуашэн Чж. (14.10.2020) Мировой порядок: фрагментация, сосуществование или соперничество?/Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/>

[articles/mirovoj-poryadok-fragmentacziya-sosushhestvovanie-ili-sopernichestvo/](#) (дата обращения: 22.09.2023).

17. Haas R. The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance //Foreign Affairs, p.14, 2008.

18. Cohen A. (24.06.1997) U.S. Policy in the Caucasus and Central Asia: Building A New "Silk Road" to Economic Prosperity. URL: <https://www.heritage.org/europe/report/us-policy-the-caucasus-and-central-asia-building-newsilk-road-economic-prosperity#> (дата обращения: 22.09.2023).

19. "Iran–Armenia–Russia: The axis against Ukraine revealed" (02.04.2023) URL: <https://www.eureporter.co/world/armenia/2023/04/02/iran-armenia-russia-the-axis-against-ukraine-revealed/> (дата обращения: 22.09.2023).

20. "Battle for the FSU: Wooing Armenia" (27.08.2004) /Stratfor. URL: <https://worldview.stratfor.com/article/battle-fsu-woosing-armenia> (дата обращения: 22.09.2023).

21. De Waal Th. (05.11.2019) Is Change Afoot in Azerbaijan? /Carnegie Europe. URL. <https://carnegieeurope.eu/strategieurope/80271> (дата обращения: 22.09.2023).